

Изображение исторических событий

Исторические события 1805–1809, считает Толстой, не затрагивали интересов большей части русского общества — это результат политических игр и военных амбиций. Изображая военные действия 1805–1807 и исторических персонажей — императоров и военачальников, писатель критикует лживую государственную власть и людей, самонадеянно пытавшихся влиять на ход событий. Военные союзы, заключенные в 1805–1811, он считал чистым лицемерием: ведь за ними скрывались совершенно иные интересы и намерения. «Дружба» между Наполеоном и Александром I не могла предотвратить войну: императоры называли друг друга «государь брат мой» и подчеркивали свое миролюбие, но оба готовились к войне. Неумолимые законы движения народов действовали независимо от их воли: по обе стороны русской границы скопились огромные войска — и столкновение двух исторических сил оказалось неизбежным.

Повествуя о событиях 1805, Толстой основное внимание уделяет двум эпизодам: Шенграбенскому и Аустерлицкому сражениям. В оборонительном Шенграбенском сражении боевой дух русских солдат и офицеров был исключительно высок. Отряд Багратиона прикрывал отступление армии Кутузова, солдаты сражались не ради каких-то чуждых им интересов, а защищали своих братьев. Шенграбенское сражение для Толстого — очаг справедливости в войне, чуждой народным интересам. Решающую роль в нем сыграли батарея капитана Тушина и рота Тимохина. Рядовые участники события, повинувшись собственной интуиции, взяли инициативу в собственные руки. Победа была достигнута их незапланированными, но единственно возможными и естественно совершавшимися поступками. Смысл же Аустерлицкого сражения солдатам был непонятен, поэтому битва под Аустерлицем закончилась сокрушительным поражением. Шенграбенская победа и Аустерлицкое поражение обусловлены, с точки зрения писателя, в первую очередь моральными причинами.

В 1812 театр военных действий переместился в Россию. Толстой подчеркивает, что весь ход кампании не подходил ни под какие «прежние предания войн», что война ведется «противно всем правилам». Из политической игры, которую вели в Европе Александр I и Наполеон, война между Францией и Россией превратилась в народную: это «настоящая», справедливая война, от ее исхода зависела судьба целой нации. В ней участвовали не только армия (как в войне 1805), но и люди невоенные, далекие от армейской жизни. Высшее военное начальство оказалось не в состоянии контролировать ход войны — его приказы и диспозиции не соотносились с реальным положением дел и не выполнялись. Все сражения, подчеркнул Толстой, происходили «случайно», а вовсе не по воле полководцев.

Русская армия преобразилась: солдаты перестали быть равнодушными исполнителями приказов, как во время войны 1805. Не только армия, но и простой народ — казаки и крестьяне — взяли на себя инициативу ведения войны. Изгнание наполеоновских войск — цель, которую «бессознательно», как считает Толстой, преследовал весь русский народ. Изображение исторических событий в «Войне и мире» завершается в тот момент, когда цель народа в Отечественной войне — «очистить землю от нашествия» — была достигнута.

Подлинные события начала XIX в. — составная часть большинства сюжетных линий. Как и исторические персонажи, вымышленные герои — полноправные действующие лица в «исторических» сюжетах, развернутых в романе. Толстой стремится показывать события и реальных исторических лиц (Александра I, Наполеона, Сперанского, Кутузова), ориентируясь на точку зрения вымышленных персонажей. Шенграбенское сражение во многом увидено глазами Болконского и Николая Ростова, Тильзитская

встреча русского и французского императоров — глазами Николая Ростова и Бориса Друбецкого, Бородино показано в основном с точки зрения Пьера.

Историк не имеет права на вымысел, для исторического романиста вымысел в освещении фактов истории — почва, на которой вырастают художественные обобщения. Толстой понимал, что субъективность в освещении исторических событий — свойство человеческого восприятия, ведь даже в самых правдивых рассказах очевидцев немало вымышленного. Так, говоря о намерении Николая Ростова дать правдивую картину Шенграбенского сражения, писатель подчеркнул, что он «незаметно, невольно и неизбежно для себя перешел в неправду» (т. 1, ч. 3, VII). Толстой-романист в полной мере пользовался своим правом на вымысел, чтобы раскрыть психологию исторических персонажей. Буквализм в изображении исторических фактов был также абсолютно неприемлем для него: он создавал не «фотографию» события, а его художественный образ, раскрывающий смысл происшедшего.

По убеждению Толстого, понять общие закономерности исторических событий важнее, чем воспроизвести их во всех деталях и подробностях. Закономерность, определяя «цвет» события, не зависит от писателя, частности же — целиком в его власти. Это оттенки, которые художник находит в палитре истории, чтобы прояснить свое представление о смысле и значении события. Художник не излагает и не переписывает историю — он находит и укрупняет в ней то, что ускользает от взгляда историков и очевидцев. Множество фактических неточностей, отмеченных еще современниками Толстого, можно назвать «обмолвками» писателя, твердо уверенного в том, что *правда художественная важнее правды факта*. Например, Кутузов после ранения Багратиона посылает нового военачальника принять командование над первой армией, но Багратион командовал не первой, а второй армией. Эта армия первой приняла на себя удар врага, занимая ключевой левый фланг, что, очевидно, и обусловило «обмолвку» Толстого.